

ПОВЕСТЬ

18

*Ахат
Мушинский*

Ангел

Памяти Римира Хайдарова

*Детство – единственная и настоящая
родина, взрослая жизнь, хоть в родном
ауле, хоть в родном городе – чужбина.*

Из дневника автора

1

ЕГО девятиэтажка была рядом, почти вплотную с детским садиком, в котором он когда-то провёл дошкольные годы. Садик имел красивое название «Солнышко». Стоя у своего четвёртого и последнего по счёту подъезда дома и поправляя очки, Альберт наблюдал за малышами, деловито занимавшимися неотложными делами – один строил что-то в песочнице, другой в кабине фанерного грузовика крутил баранку,

девочка с белым бантом на косе под весенней, только-только оперившейся липой что-то увлечённо рассказывала подружке... В отличие от других, он считал их всех серьёзными людьми – гражданами большого и постоянно расширяющегося мира.

Альберт помнил этот мир, помнил и себя в нём, потому-то, быть может, и притягивал его внимание этот оазис, это «Солнышко» в серой и горестной взрослой пустынности с одними неприятностями, потерями и болью.

Да, в начале взрослой жизни, будучи солдатом срочной службы, он потерял отца, чуть позже – бесконечно родную маму, ещё через пять лет лишился жены – она ушла от него к прокурору, захватив с собой дочку. А совсем недавно остался без работы – в крупном издательстве он заведовал электронной техникой, слыл хорошим специалистом, не айтишником в высоком смысле слова, однако дело знал, компьютеры, ксероксы и т. д., и т. п. служили у него исправно. Но в одно прекрасное время государственное издательство преобразовалось в акционерное общество. Соответственно в акционерное общество, новое руководство, вдобавок заменили автопарк, электронную технику, в том числе и его. Стал он работать на дому, чинить ноутбуки, смартфоны, оформился «самозанятым». И что? Откровенно говоря, не бедствовал. Жить было где, квартиру свою родительскую бывшая жена с прокурором не отобрали... Чего ещё надо было для скромной жизни молодому по тем временам человеку с высшим образованием, вполне здоровому, невредному и не страдавшему мерехлюндией, то есть унынием!

В тот день, стоя у своего подъезда, Альберт привычно обозревал родной, в двух шагах расположенный детсад. В который раз он отметил изменения в его внешнем облике, внесённые десятилетиями, и в то же время в который раз убеждался в неизменности внутреннего духа заведения. (Фу ты, какое безликое слово «заведение»!) Точнее сказать, приюта чистоты, целомудрия и невинности, даруемые человеку в первые годы его жизни. Да, именно так. И добавлю уж по праву автора, и которые – имею ввиду чистоту и целомудрие – в дальнейшей, взрослой жизни уже не повторятся. Там, в садике, детки все ни дать ни взять ангелочки. А вы видели когда-нибудь ангелов с бородами или с седыми космами?

Вспомнилось ему и то, как много лет назад на воскреснике, организованном для сотрудников детского комбината

и родителей, он, малыш в штанишках на помочах, посадил с отцом саженец яблоньки на пустыре недавно открытого того самого «Солнышка».

Воспоминания, как солнечные ветры, нахлынут и ни под каким магнитным зонтиком не спрятаются от них!

2

Понятно, но зачем-то же ему понадобилось торчать тут, у подъезда, и он принялся разглядывать участок земли под своими окнами первого этажа с поломанным старым штакетником, с которым надо было что-то делать. Была весна, был ранний май. На сирени в углу заборчика разворачивались юные, ярко-зелёные листочки, весёлое красное солнышко клонилось за новостройку напротив дома. Альберт не заметил, как подошли две голубоглазых блондинок – возвращавшаяся из садика соседка с той самой девочкой с белым бантом на косе.

– Здрасьте! – звонко воскликнула малышка.

– А я тебя, Ангелочек, и твой белый бантик видел, когда ты гуляла в садике, – ответил он. – Но по своей близорукости не узнал. Значит, как говорится, долго жить будешь!

Поздоровались и взрослые. После обязательных слов приветствия, привычно поправив очки, он кивнул на ограду:

– Надо менять штакетник на что-нибудь более прочное. И чтобы повыше было.

– Да, Алик! – так кратко звала его соседка. – И сам участок пора бы облагородить, не ждуть у моря погоды, вернее, у ЖКХ.

Они были соседями по лестничной клетке первого этажа, дверь к двери. Её звали Галина, а дочку Ангелина. Жили дружно. Она без мужа, он без жены. Галина была «свой парень» – и до клиента на своей «тойоте» подкинет, и пирогом (производства ближай-

шей пекарни) угостит. А он и ноутбук починит, и Ангелочка, как он малышку называл, из садика заберёт, когда Галина на работе в своей архитектурно-проектной конторе задерживалась. Даже ночевать с Ангелочком оставался – такая у неё мамаша, деловая колбаса, – филиалы-то конторы и в других городах Поволжья были созданы. Конечно, у Галины и мать имелась, а у Ангелины, стало быть, – бабушка, но та приходила только по праздникам и на дни рождения. Исключительно в гости. Тоже вдова, но с большим наследством от своего бывшего, от, стало быть, отца и деда соседок, которого за всё время Альберт раза два только и видел. Униженно забитая при живом муже бабка, похоронив ненаглядного, расправила крылья, стала разъезжать по Парижам и Флоренциям, навёрстывая ущемлённый духовный багаж в галереях Лувра, Уффици и утверждая, что она ещё не такая старая. Какие-то подружки у неё завелись, друзья... Ну да ладно, не будем отвлекаться.

К вдове-соседке, весьма видной блондинке и молодой бизнесвумен, плотских поползновений наш очкарик не имел. Он знал её мужа, погибшего в автокатастрофе, сочувствовал, а ещё верил, что бывшая жёнушка вернётся к нему с возрождённой любовью и дочкой. С кем не бывает, кто не ошибался в молодости! Он хранил душу в чистоте и верности, два раза в месяц, по воскресеньям, ходил к обожаемой дочурке на свидания. Они гуляли по городским паркам, посещали музеи, театры, пока новый отец её не получил новое прокурорское назначение в другой город.

Вечером Галина зашла к Алику, и сообщила, что договорилась с друзьями из горзеленхоза, и на пять участков перед домом завтра завезут торф с чернозёмом. Ему, свободному от служебного присутствия где-либо человеку, надо было встретить самосвал и принять руководящее участие в правильной засыпке участков. При самосвале

будут два рабочих, а она будет на работе.

Миссия была выполнена – примыкающие к дому площади были аккуратно облагорожены чёрной плодородной землёй, а штакетники окончательно поломаны.

Галина успокоила: всё будет нормально. И в субботу прямо при нём договорилась по телефону о ста погонных метрах штакетника для палисада родной девятиэтажки.

Альберт только хмыкнул простоте решения проблемы. А она уронила со смешком:

– Кто же кроме нас, приземлённых первозтажников, будет заботиться о красоте своих приусадебных участков?!

Штакетник был примерно по пояс взрослому мужчине, добротный, и Альберт с соседом по дому Нурисламом, тоже технарём, с которым водил дружбу и частенько играл в шахматы, и плотником из домоуправления несколько дней подряд пилил и колотил ограду для будущего цветника.

Под окнами соседа по этажу Галина посадила кустики алых и белых роз. Они без проволочек дали первые цветочки буквально через месяц после цветения сирени, оставленной нечаянной памятью ещё мамой Альберта.

У Галины окна были в другую сторону.

– Как же так?! – пытался возмущаться Альберт. – Цветы сажала ты, а люблюсь ими я.

– Так я тоже люблюсь, когда иду на работу или возвращаюсь. А Ангелина наша, ты же знаешь, любит играть там, среди цветов. Она сама калиточку в палисад открывает и закрывает... И потом наши окна, как известно, глядят на берёзовую рошу, тоже неплохо.

Галина оставалась жить на первом этаже стандартной девятиэтажки, хотя у неё было готово новое жильё в престижном районе «Волжский берег». Что её держит тут, Альберт не спрашивал – неудобно, да и не его это дело. Он был

M. Akhat

благодарен ей за волшебное преобразование их «старинной усадьбы» и думал о своих девочках: вернулись бы вот и как удивились бы красоте необычайной!

3

Зимой красота поуясла. Сугробы накрыли палисады, поднялись выше ограды. Но у каждого времени года свои прелести. Маленькая Ангелина открывала калиточку, проходила несколько шажков под окнами Альберта и с недетской энергией вторгалась в снежное богатство, орудуя детской лопаткой. Она любила палисад и летом, и зимой. Альберт приглядывал за ней, когда бывал дома. Иногда, даже зимой, высовывался из окна своего первого этажа, чтобы пообщаться с малышкой, а порой и выходил к ней со своей лопатой...

Что это за отношения были? Наверное, пронизанная вся белым светом Ангелина в какой-то мере заменяла ему свою родную дочку, такого же возраста, сложения, только другой расцветки – у дочери, как у отца, волосы были каштановые и карие глаза. Альберт не жалел времени отвлекаться на соседскую малышку, всячески помогал ведущей архитекторше города справляться с дочерью при постоянном дефиците времени. Он настроил на детском ноутбуке интересные игры, порой и сам присоединялся. Особенно нравилась малышке *computer game* под названием «Angel». Здесь девушка-ангел спасала терпящих бедствие людей в различных ситуациях – при землетрясениях, пожарах, потопах, войнах... Игра была для двоих. Альберту, естественно, доставалась роль злых сил – захватчиков, тюремщиков, диких зверей, повелителей земных аномалий... Но он был взрослым человеком, и ему нравилось, как на экране красавица-ангел в белой тунике и с крыльями за спиной, руководимая белобрысой

малышкой, вызволяла воинов из плена, моряков с тонущих кораблей, бедолаг, оказавшихся под завалами землетрясения и т. д., и т. п.

Как-то во второй половине декабря он возвращался с очередного вызова и увидел у своего подъезда на своём заборе Ангелину. Она висела, зацепившись за штaketник кроличьей шубой (подарок из Нижневартовска. – *Прим. автора*). Видать, одолела сугроб со стороны дома, а забор вот отказался подчиняться и крепко ухватил её за сибирский подарочек.

Ангелина была тиха и спокойна, на личике ни страха, ни отчаяния, будто это было её привычное ангельское состояние, и походила она в этом положении на большую куклу-херувимчика, только крылышек не хватало. Альберт снял её с забора, спросил:

– Как это тебя угораздило?

– Ждала, – ответила она невозмутимо.

– Кого?

– Тебя, дядя Алик. – Она звала его так же, как и мамаша.

Альберт рассмеялся:

– На заборе?

– А что?

– Да нет, ничего. Просто как-то необычно. – Он внимательно осмотрел ребёнка от розовых щёк с родинкой на одной из них и до ботиночек и штанин в снежных катышках. – Не замёрзла?

– Нет, я недавно вышла погулять.

– Пойдёшь домой или останешься?

– Останусь.

– В случае чего, помаши рукой. Я буду наблюдать за тобой, – указал он взглядом на свои окна.

– Хорошо, – ответила она и скрипнула калиткой обратно в палисад.

Альберт сидел у окна кухни, позабыв о вскипевшем чайнике, и смотрел, как ребёнок, орудуя лопаткой, вновь взбирается на вершину сугроба. Продолжалось это недолго. Галина вышла за ней минут через десять. Поругала, как положено, отряхнула и увела.

На Новый год Альберт подарил Ангелине «умные» часы, начинённые самыми разнообразными электронными функциями. А она ему – рисунок с фантастическим цветком в кувшине с ручкой.

Часы восхищали Ангелочку, она сразу включила их в свой жизненный процесс. Удивительно, что творят дети с электроникой, в отличие от взрослых тугодумов!

Живописный подарок, исполненный на стандартном офисном листе, Альберт сразу пришил на стену большой комнаты рядом с ёлкой, живой, пахучей, которую ставил каждый год. Раньше для дочери, теперь – для Ангелины, то и дело захаживавшей к нему. Впереди целый январь был, и как, скажите, принимать гостью без зелёной красавицы и сладостей, развешанных на ней.

А Галина преподнесла ему настоящий цветок – гиацинт, в горшочке. 31 декабря, днём, они уезжали встречать Новый год к подруге по работе и перед самым отъездом она зашла к соседу с дочкой и цветком, подробно объяснив, как за ним ухаживать. Альберт поставил подарок на книжную полку, подперев с двух сторон падающие стебли книгами. Гегель и Толстой не подвели – поддержали стебли, и уже к вечеру из тяжёлых почек вылупились сиреневые и очень ароматные цветочки. Позже, уже в новогодние дни, специально полить их заходила Ангелина со словами «гиацинт воду любит» и наполняла горшочек под гирляндами душистых колокольчиков тёпленькой водичкой.

В полдень того предновогоднего дня, как договаривались, к Альберту спустился со своего седьмого этажа Нурислам. Он знал, что его приятель алкоголь не потребляет, как, впрочем, и сам он, поэтому в руке его красовался гостинец в виде банки кофе. Пунктуальному гостю Альберт обрадовался, оторвался от исторической книги Эдуар-

да Паркера, достал овсяного печенья, сладенького чак-чака и, понятное дело, шахматную доску.

Попивая кофе под ёлкой и под негромкие песни Булата Окуджавы, друзья для начала разыграли «Венскую партию». Первые ходы не предполагали раздумий, но потом соперники увязли в борьбе вне всяких шахматных учений. И кофе позабылся, только Окуджава, не меняя тональности, продолжал исполнять свои задушевные песни:

**Когда мне не в мочь
пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус
сажусь на ходу,
В последний, в случайный...**

Сыграли четыре партии, добились ничьей. Друзья были весьма сильными игроками, пользовались шахматными учебниками, решали интересные задачи, но гроссмейстерами, конечно, не были. Нурислам, узнав, что приятель будет встречать Новый год один, пригласил к себе, но Альберт отказался.

Он не помнил весёлых в своей жизни, радостных празднований Нового года. Однажды вне друзей и компаний, будучи подростком, Альберт весь вечер под Новый год до полуночи проколесил в троллейбусе по круговому маршруту. Песни Окуджавы о синем троллейбусе тогда он ещё не слышал. А тут вдруг «Синий троллейбус», прозвучавший в аккомпанемент шахматной партии, напомнил о себе. И Альберт на ночь глядя вышел на улицу, незаметно как-то дошёл до троллейбусной остановки...

В троллейбусе было просторно. Впереди, ближе к кабине, сидело человек пять. Вскоре, от остановки к остановке, и они стали растворяться. В половине двенадцатого ночи в салоне он остался один. В песне пелось про беду, про отчаянье. Но у него не было ни того, ни другого. Что ж тогда? А кто его

знает! За окном плыли огни одиноких фонарей и праздничных витрин, пошёл хлопьями снег. На одной из остановок в салон завалилась весёлая компания. Ребята отряхивались, смеялись, галдели... От этого стало ещё грустнее. Слава богу, скоро они вышли. Одному в троллейбусе, одному в этой жизни, оказывается, лучше.

Выйдя на две остановки раньше, прогулялся не спеша по заскрипевшему свежим скрипом под ногами насту, замороженно последил за кружением снежных хлопьев, которым дела не было до людских праздников. Вернулся домой около часа и сразу обратил внимание на цветочный аромат, наполнивший зал (так было принято называть большие комнаты в «хрущёвках», девятиэтажках и прочих застройках родительских времён. – *Прим. автора*). Ещё раз оценил картинку Ангелины, посмотрел телевизор, где веселью не было предела, – вот и Новый год наступил!

Перед сном Альберт задумался над словами песни о синем троллейбусе. Как это транспортное средство, тем более общественное, готово спасать от беды и отчаянья? Где логика?

Логика, причинно-следственные связи, алгеброй гармонию поверить... Какими-такими формулами можно научно объяснить в е р у , н а д е ж д у , л ю б о в ь ? Некоторые философы вообще не разделяют н а у ч н о е и н е н а у ч н о е познание. И правильно делают! Почему это литература, живопись, музыка и даже история – вне науки? А как быть с интуицией, предчувствием, с той же астрологией? Или с синим троллейбусом, скажем, который и в самом деле оказался надёжным и всё понимающим другом, а его конструктор, то бишь поэт и композитор, – пророком?!

Синий троллейбус и хлопья снега в радиусе света уличного фонаря стали в ту ночь для Альберта новым познанием и новым приятием старого мира. Так и уснул в наступившем новом году.

В феврале Галина заболела. Непонятной болезнью. У неё ни с того, ни с сего схватывало сердце, силы оставляли её, она опускалась на четвереньки и не могла подняться. При первом приступе испуганная Ангелина прибежала к Альберту. «Скорая помощь», прибывшая по его звонку, послушала, прослушала, простучала больную, сделала укол и минут двадцать понаблюдала, пока ей не стало лучше. Вердикт врача был однозначен: нужна госпитализация. Но Галина, почувствовав себя лучше, отказалась ехать в больницу.

– Хорошо, – ответил врач, – трудно вот так вот сразу собраться, но со временем придётся.

Он оказался прав. Приступы повторились. Галина засобиралась. Прежде всего она обратилась с просьбой к Альберту – остаться на время её отсутствия с Ангелиной. Он ответил:

– Какие разговоры? Конечно!

И она начала готовить его к хозяйствованию: это лежит тут, а то находится вон там; это надо делать так, а то вот эдак...

Особой сложностью, на взгляд Галины, представлялся процесс заплетания косы. Однако Альберт удивил своей проворностью в этом, казалось бы, не совсем мужском деле. Объяснил он это тем, что плести сети, вязать и завязывать всё, что касалось веревок и нитей, первыми на свете начали мужчины. И в их семье отец был мастером в этом деле. «Он, верите-нет, научил маму вязать шали, а меня – многому, что касалось рыбалки. Однажды мы с ним даже сеть связали, типа бредня, не говорю уж о разновидностях морских узлов и тому подобное». Так что проблема была снята довольно быстро.

А жарить-парить Альберт, как любой, наверное, самостоятельный мужчина, более-менее умел. Да и на первое время Галина приготовила всякой всячины. Так что за питание она должна была быть спокойна. Главное

во всей этой истории было её самочувствие, лечение и возвращение к здоровой жизни.

Скоро Галина легла в больницу, и они, то есть Альберт с Ангелиной, остались одни. Он практически целиком перебрался в соседнюю квартиру, к себе возвращался только на время, когда подопечная была в детском садике. Работа мастера электроники затормозилась, поскольку все вечера, да и дневные часы так или иначе были посвящены Ангелине. Но это его не очень волновало – он, по большому счёту, превратился в нянечку, наставника, педагога... И это его не отягощало.

В свою очередь Ангелина к тому времени уже воспринимала дядю Алика как близкого родственника, если не сказать, как большого и верного друга.

За короткое время у них выработались свои культурно-бытовые ритуалы. Например, на сон грядущий Альберт обязательно читал вслух (то был «Волшебник изумрудного города» Александра Волкова). Они устраивались на маминой кровати, а когда малышка засыпала, чтец перебирался на диван. Правда, ночью приходилось возвращаться – то успокаивать её, проснувшуюся, то просто сползшее на пол одеяло поправить.

Вставала Ангелина трудно, приходилось включать громко её любимые музыкальные... И довольно быстро не бритый с утра нянь превращал любой будний день в праздничный, а поход в садик – в путешествие в волшебный мир сказок, игр, друзей и подружек. Ритуально целовал её на прощание в родинку на щеке и отпускал.

В общем, он справлялся. Что касается пресловутого вязания косы, Альберт особенно преуспел. Он брал двумя руками тщательно расчёсанные крылья её льняных волос и начинал своими рыбацкими ловкими руками плести тугой канат, вплетая в него бант, как красную нить в морской английский трос.

Мало того, он погуглил в Интернете и выучил несколько новых причёсок с ко-

сами. И Ангелина начала будоражить внимание мамаш в садике то французской косой, то косой-«бубликом», то «ветвями сакуры»... Ангелине это нравилось, и она говорила, помаргивая своими смешливыми небесными глазками:

– Дядя Алик, тебе надо устроиться в салон красоты парикмахером, точнее, визажистом по дамским причёскам.

Это происходило обыкновенно в момент колдовства Альберта над её льняными прядями. И он отвечал:

– Точно! Как выпишут маму, так сразу пойду работать в салон красоты, начну участвовать в международных конкурсах, буду ездить по городам и странам и тебя буду брать с собой.

В садик они никогда не опаздывали. Когда Ангелина начинала торопиться, он всегда говорил: «Не спеши, Ангелочек, успеем».

Пару раз они просолили садик, поскольку он брал её в больницу на свидание с мамой. Общались они там, будто и не в больнице, а где-нибудь в санатории или в доме отдыха. Ангелочек вручала маме гостинцы и обязательные каждый раз письма-рисунки с несколькими словами приветствия печатными буквами, демонстрируя подготовку к школе, которая маячила уже в сентябре.

А так, без Ангелины, он ездил к Галине почти каждый день.

Больница была хорошая. Это была продвинутая по российским меркам Межрегиональная научно-диагностическая клиника. Галина быстро шла на поправку. При встречах даже не сказать было, что она больна.

Он замечал:

– Ты же кровь с молоком!

– Так бывает, – отвечала она, – когда у тебя крепкие тылы.

К концу февраля её выписали с условием не перегружаться на работе, следить за собой, а также взяв обещание, что она обязательно займётся здоровым эгоизмом.

Альберт же по возвращении соседки почувствовал себя вторично уволен-

ным с работы, по-настоящему любимой работы, где он в кои веки почувствовал себя незаменимым и для кого-то бесконечно необходимым.

6

Жизнь вернулась в обычное русло, но Альберт как-то заскучал. Не то, чтобы по кому-то конкретно, а вот в каком-то психологическом смысле, даже философском. Какая-то мерехлюндия напала на него. Ему и дом свой перестал нравиться, и уникальный для всего района палисад с цветами, и городские улицы, пыльные, грязные, в окурках все, в опорожнённых бутылках, обёртках, будто разноцветные птицы слетелись со всего мира и сели в его городе, расправив взлохмаченные крылья. Впервые захотелось ему поселиться где-нибудь на безлюдном отшибе, на высоком берегу то ли реки, то ли моря... Короче, не пойми что творилось с ним. А тут зашёл дружище Нурислам и сообщил, что собирается на Ямал.

– И я с тобой! – выпалил Альберт, не дослушав, куда конкретно собрался приятель, на какую работу, с семьёй, без семьи (у Нурислама были мальчишки-близняшки, ровесники Ангелины) и кому он там нужен?

– Мой флотский друг меня зовёт. Говорит, приезжай, Нур, будем вместе Карским морем любоваться.

– Точно, это и есть синий троллейбус!

– В смысле?

– Нет, это я так... – Альберт поубавил пыл.

А друг не унимался:

– А что, Алый, поехали... Заработаем капитально – вернёмся. Там деньги бешенные.

– Нет, ты объясни конкретно... – окончательно остыл Альберт.

И дружище Нурислам, старший матрос, командир группы радиотехников Северного флота в запасе, мужик на-

дёжный, объяснил. Речь идёт о строящемся порте Харасавей на западном берегу полуострова Ямал, на знаменитом Северном пути. В данном случае – через Карское море. И его позвал в свои заместители начальник монтажа и наладки уже частично действующего порта, его однофлотец, экс-мичман Кирилл.

– Ты же любишь зимы, – продолжал неугомонный Нурислам, – а там этой зимы – двенадцать месяцев в году. Мы же с Киром в Североморске служили и были одной душой, только в разных тельняшках. Уж работёнку тебе справим, миллионером вернёшься.

– Ну-ну... – усмехался Альберт.

Тем не менее, обговорив на неделе частности поездки, друзья начали собираться.

Соседки, узнав о решении Альберта строить порт далеко на Ямале, сильно расстроились. Особенно Ангелина. Она стала уговаривать его остаться:

– Что ты забыл там? Мама сказала: на полуострове этом и лета не бывает. А мы тут... как без тебя? – глаза на мокром месте, и железобетонное сердце, глядя на неё, не выдержит, но Альберт терпел.

– Ничего... Скоро в школу пойдёшь, скоро будешь совсем большая и некогда будет тебе отвлекаться от цифр и букв, школьных будней и праздников.

В день отъезда Ангелина помогала Альберту собираться в путь-дорогу – сложила фигурки в клетчатую шахматную коробку, поставила на зарядку электробритву, сняла со стены свой рисунок и упаковала в картонную папку с завязочками...

– А цветок куда?

– А цветок уж вам оставлю. Ухаживай за ним до моего возвращения.

Зашла и Галина, попили чаю с её пирогом. Они проводили его до автомобиля, в котором ждал своего спутника Нурислам с провожавшей его женой за рулём и мальчишками на заднем сидении. Альберт по-дружески обнял

Галину, расцеловал Ангелину, сел на заднее сидение к мальчишкам.

Ангелина помахала вслед отъезжающему автомобилю платочком. На этот раз Альберт не сдержал слезу.

7

Очкарик наш был не так росл и крепок, как старший матрос Нурислам, но всё равно рядом с ним общей картины как-то не испортил. Шеф встретил их в своём кабинете радушно. Моряки (бывших, как известно, не бывает) обнялись. Кирилл заметил:

– Всё тем же «Шипром» освежаешься... Пора бы уж на штатские одеколони перейти.

– Для меня «Шипр», товарищ командир, не одеколон, – отвечал Нурислам, – а эликсир бодрости и жизненного равновесия.

– Ну-ну... – кивал Кирилл. – Знаем, знаем... А это, как я понимаю, твой друг Альберт и будущий наш соратник в бущующем море?

– Так точно! – чеканил старший матрос.

– Наконец-то, а то мучаемся без специалиста. Как раз подоспел на вакантное место руководителя бригады электроники и автоматики. Правда, бригады как таковой ещё нет и в помине.

Нурислам пошутил:

– Поздравляю, бригадир без бригады!

– Ничего... – парировал начальник. – Сегодня без, а завтра обзаведётся!

У Нурислама, естественно, тоже проблем не возникло – он получил должность заместителя производства своего североморского друга.

Действующая пристань и строящийся порт не совсем на берегу моря, а в устье одноимённой реки Харасавей. Так же, как и многие морские порты мира, чуть в отдалении от моря. Устроились друзья на первое время в обще-

житии вахтового посёлка. У каждого по минимально мебелированной комнате в кирпичном доме барачного типа с общим коридором, кухней и санузлом.

– Пойдёт! – резюмировал Нурислам, оценив беглым взглядом свою новую каюту.

– Сойдёт, – ответил Альберт.

– А что ты хотел – пятизвёздочный отель с ходу?!

– Да нет, с чего ты взял?..

Своё слово вставил шеф:

– Новый дом уже строится, можете через год свои семьи перевезти со своей речки сюда, на море.

– Ничего себе... – усмехнулся Нурислам. – Это Волга-то речка?!

– Ладно, ладно... – успокоил Кирилл. – Это я так, чтобы дух ваш поднять...

В воскресенье Кирилл повёз друзей на морской берег.

– Обещал же познакомить с Карским морем! – хлопнул он по плечу Нурислама, усаживая друзей на заднее сидение внедорожника, переднее занял его десятилетний сын Саша.

– А вы знаете, что означает слово «Ямал»? – спросил Кирилл, трогая машину с места.

Большой болельщик футбола, хоккея, баскетбола, волейбола и штатный бригадир несуществующей бригады, не задумываясь, ответил:

– Испанский футболист Ямал – с арабского «честный», «красивый». А полуостров Ямал, может, с какого-нибудь местного языка?

– Ты прав, наш Ямал с ненецкого значит «Край света».

– Соответствует, – откликнулся Нурислам.

Кирилл объяснил, что август на Ямале самый тёплый месяц.

– Ничего себе тёплый! – воскликнул Альберт. – Градусов пять всего.

Выехали в предрассветные сумерки, а когда подкатили к морю, было уже совсем светло.

Как вышел Альберт из машины, так и задохнулся сразу от необъятности морского простора и бездонности чистого неба над ним.

Арктическое лето. Стылым персиком поднималось над дальними увалами солнце, белыми пароходами плыли айсберги по горизонту – такое и в сказочном сне не увидишь. А этот утренний бриз, который очищающей волной прошёлся по всем закоулкам лёгких и души, – в каком санатории пропишут такое?!

Пошли по крутояру вдоль прибрежной полосы. Кирилл рассказывал об особенностях Карского моря, поводя указующим перстом с востока на запад и обратно. Чувствовалось, это была близкая его сердцу тема.

Спустились ближе к отмели, захрустели по песку и ракушкам. Нурислам ступил в своих высоких берцах в отходящую волну, зачерпнул ковшом ладоней пригоршню хрустальной воды и бросил себе на лицо.

– Солёная, – сказал, сглотнув и облизнув губы.

– Соли здесь, кстати, меньше, чем в соседних морях, и потеплее у наших берегов, – заметил Кирилл и пояснил: – Из-за впадающих сюда Оби и Енисея со своей пресной водой. Ну конечно, и наш Харасавей старается.

Альберт, сняв очки, тоже ополоснул лицо и попробовал водичку на вкус:

– Да, это не Соль-Илецк. – И обернулся к младшему в их мужской компании: – Сашок, ты купался тут?

– Нет, – ответил он, – холодно. – Было впечатление, что это северное море не интересно ему.

Кирилл заметил, что они далекоавто ушли.

– Пора обратно. Тучи вон набежали, а я ещё шашлычок хотел завертеть.

Двинулись скорым ходом обратно.

Сашок почти бежал и рассказывал:

– Вот на Чёрном море мы были в прошлом году... Это да! Купался, из воды не вылезал. Она тёплая-тёплая там! А солнце... – в краснокожего пре-

вратился. Ночевал на веранде под открытым небом. Никакого сравнения со здешней холодрыгой.

Нурислам подтрунивал:

– У веранды-то крыша, наверное, имелась...

– Звёзды ко мне сбоку, из-за кипарисов заглядывали, – отвечал подросток. – Веранда ведь не глухая коробка.

Альберт тоже вставил своё слово:

– А мне больше по душе края северных широт... Со снегами, полярными сияниями...

– Сияния мы ещё увидим, – ответил Кирилл. – А вот прелести северных широт мы здесь и сейчас успеем испытать.

И оказался прав. Из набежавшей бурой тучи вырвалась зигзагом молния, тут же бомбой лопнул гром, издавека к берегу побежали белые барашки, ветер сорвал с подростка кепку и поднял с «пляжа» бурю песка и ракушек. Компания, вскинув воротники и капюшоны курток и свернув с прибрежной полосы, бросилась наутёк, но её догнал ледяной дождь и трассирующими очередями прибил к земле.

– Вот и полакомились шашлычками, – промолвил Кирилл, натягивая на сына пойманную кепку. Они лежали за кустистым увалом, и это спасало их от ледяной шрапнели с моря. Так друзья познакомились с Карским морем.

8

Альберт писал Галине с Ангелиной, что устроился с другом Нурисламом нормально, работа по зубам и что фотография Ангелины в школьной форме ей к лицу.

Галина кратко, но чётко информировала, что у них тоже всё хорошо. «Болезнь отступила. Ангелина пошла в первый класс. С интересом рассматриваем снимки суровой природы и “себяшки” с бородой, то есть твои селфи». В свою очередь Ангелочек сообщала о своих буднях в школе и новом члене семьи, котёнке Рыжике, требовала сбрить

бороду и поскорее возвращаться. Это грело душу полярника, но время берёт своё и постепенно виртуальное общение стало прерываться на долгие паузы, а потом и вовсе сошло на нет.

Зато жена Нурислама строчила и звонила беспрерывно. Альфия, так её звали, не справлялась с двумя своими подрастающими матросами, жаловалась, что ей тяжело, что лучше бы он вернулся, и никакие длинные рубли заменить его дома не смогут.

Всё-то Нурислам рассказывал, советовался... Но что мог посоветовать человек, не сумевший свою-то судьбу обустроить? Откровенно говоря, он даже завидовал другу, белой завистью завидовал – вот какая хорошая жена досталась мужику, зовёт... И всё-таки советовал:

– Поработаем годок – вернёмся. Как хорошо ведь у нас тут пошло всё! И у тебя, и у меня. Заработаем немного, Альфия только спасибо скажет. Да и перед Кириллом неудобно.

Нурислам соглашался, оправдывался в письмах и телефонных разговорах с женой, что любит её ещё крепче, что очень скучает по ней и сыновьям, но вернуться пока не может. «Потерпи, джаным*, вот завершим через пару месяцев сборочный блок и начну закругаться».

Кирилл был доволен друзьями. У Альберта скоро стала пополняться бригада толковыми ребятами. А Нурислам... Это особая статья. Флотский друг, а теперь заместитель, снял с плеч начальника огромную нагрузку, и коллектив был доволен замом, компетентным специалистом, спокойным, открытым человеком... Так или иначе продержался Нурислам ещё немного. И как только сдали объект, сразу пошёл к своему начальнику. Кирилл, человек понятливый, настоящий друг, возражать не стал, отпустил. Поблагодарил за помощь, посожалел о раннем «дем-

беле» соратника, но что поделать – семья прежде всего!

Альберт остался. Ему нравилась и природа Заполярья, и были близки по духу здешние люди смешанной, мужественной «национальности». Не пугали его и зимние морозы под пятьдесят градусов, и летняя прохлада – ни позагорать, ни искупаться... Хотя внешним обликом своим давно превратился из бледнолицого европейца в краснолицего пирата не Карибского, но похожего по звучанию моря Карского.

На должность уехавшего Нурислама он не хотел переходить, ему нравился свой участок работы, свой, небольшой, но созданный им самим коллектив, однако Кирилл настоял, ему нужен был толковый заместитель.

В работе Альберт забывался, отходили на второй план личные болячки, рефлексия... Труд, как известно, не только облагораживает, но и, как стало понятно из ежедневной практики, спасает от тяжёлых дум.

Прошёл ровно год со дня приезда Альберта на Ямал. Этот летний день он хорошо помнил, и как раз в этот день позвонил Нурислам. Сперва Альберт подумал, что дружище хочет поздравить его с «юбилейной» датой. Но оказалось страшное – умерла Ангелина. Воспаление лёгких. Представить себе такое было просто невозможно. Он просто потерял дар речи. Нурислам что-то рассказывал про «скорую помощь», клинику, похороны, о том, что не было духа сразу позвонить, а его сознание отказывалось принимать и понимать сказанное.

Как это в двадцать первом веке не спасти ребёнка от воспаления лёгких?! Как это его Ангелочек не дождёт его с североморскими подарками?! По её просьбе сбрил защитную от холодов бороду, по её настоянию, наконец-то, стал собираться домой. А теперь зачем ему возвращаться, кто ждёт его там? Никого-то не осталось в родном городе... В итоге подписал контракт ещё на четыре года.

* Джаным (*мам.*) – душа моя.

Как это никого не осталось?! А его друг Нурислам, с которым был постоянно на связи – телефонной, электронной... Альберт нередко сравнивал отцовы времена со своими, когда отец не мог добиться установки телефона в их квартире. Сколько писем написал с просьбой, сколько порогов высоких кабинетов пооббивал... – всё было бесполезно. А теперь звони – не хочу, пиши на здоровье – связь мгновенная! Только сказочными изменениями в жизни удивлять уже некого.

В последнее время Нурислам всё чаще при выходе на связь принимался уговаривать друга вернуться в родной город.

– Хватит уж! Эвакуируйся давай, пока всё там себе не отморозил. Я тут невесту тебе приготовил. Добрая, умная, хорошенькая. Серьёзно! Сколько уж можно бобылём мотаться?! Смотри, на старости лет и стакан воды некому будет подать. Повторяю, я серьёзно. Кто, кроме меня о тебе позаботится?

Да и сам Альберт начал подумывать о возвращении – на пятом году Ямала стали тянуть к себе родные края, зато сковал он, как в своё время в армии, по Волге, Камским просторам, городу своему, где родился и вырос. Понятно, не о невесте мифической думал. Ностальгия, оказывается, всё-таки не просто красивое словцо!

В общей сложности Альберт проработал на Ямале четыре с лишним года. Северная вахта вполне состоялась. Пора и честь знать, пора, пора...

В аэропорту его встретил Нурислам. Первой и неожиданной новостью для возвращенца было рождение у друга дочери.

– Что же ты раньше не сказал? – удивился Альберт.

– Боялся сглазить, – не сразу ответил Нурислам. – Болезненная она у нас родилась.

Мужики примолкли. Но ненадолго.

– И как назвали?

– Зухра.

– Утренняя звезда, значит, – резюмировал Альберт.

– Стало быть, так. Альфия придумала. Сама родила, сама назвала. Ей два с половиной месяца всего.

– Осуществилась мечта. Ты же больно уж девочку хотел.

– Это да. Все мужики пацанами бредят, а я всю жизнь о девочке мечтал.

– Сбылось. Поздравляю!

– Спасибо! А архаровцев своих в Нахимовское училище устроил. Всё-таки дети морфлотовца.

– Ты писал, да, помню... Сплавил, значит. Молодец!

– Так сами же мечтали... О морской службе, о Питере...

Въехав в город, сменили тему.

– Квартира твоя тебя ждёт, – сообщил Нурислам. – Квартиранты отчалили. Я там аврально прибрался после них. Таких поросят отроду не видел.

– А Галина как?

– Она сразу съехала. Я тоже, кстати, переехал. Купил новую фатеру и, знаешь, тоже на седьмом этаже.

Об Ангелине не говорили.

О заявленной невесте тоже.

Двойное чувство испытал Альберт по возвращении в родное гнездо. С одной стороны, будто и не уезжал – всё вокруг родное, знакомое, ничего-то, в принципе, не изменилось; с другой – всё-таки не совсем просто осваиваться по-новому на притёртом с детства месте. Надо заново вписываться в жизнь, решать вопрос с работой, правда, Нурислам обещал помочь, когда зазывал вернуться с Ямала.

Хотя, как это ничего не изменилось?! Соседушек-то уж больше нет. Ни Галины, ни сердцу милой Ангелины – Ангела небесного с невидимыми крылышками за спиной, принцессы на

горошине, росточка чистоты и доброты...

В первое воскресенье поехали на кладбище, расположенное почти в центре города. Оно давно было закрыто для захоронений, но так или иначе памятники росли под густыми кронами деревьев, прощу прощения, как грибы. Намеревался сразу по приезде посетить Ангелочка, побыть рядом, но не смог... ни на второй день, ни на третий. Почему? Не готов был ещё, оказывается, на такое свидание.

Прошли на тыльную сторону городского погоста, туда, где свободного места становилось всё больше, деревьев и могил меньше, туда, где тропа выходила на край взгорья над речным простором.

За Нурисламом Альберт шагнул в сторону с тропинки. Остановились у памятника из белого мрамора. Это было её надгробие с выгравированным портретом, датами, с какими-то словами, которые Альберт толком не разобрал за покрывшимися влагой стёклами очков. Отметил в уме лишь портрет: «Как живая». Но задержать взгляд на до боли родной улыбке не смог. Состояние у него было лунатическое, в глазах двоилось. Он прикоснулся к белоснежной поверхности мрамора, будто к той, кто безмолвно покоилась под ним, поставил горшочек с гиацинтом в основание памятника, прошептал еле слышно:

– И подумать не мог, что такое возможно.

Нурислам деловито свернул бейсболку козырьком на затылок, достал из сумки строительный мастерок, тряпку, банку с водой. Взрыхлил почву в цветнике вокруг незабудок – синих, красных, голубеньких, поправил горшочек с новоявленным цветком:

– Вот так вот, и незабудки, и гиацинт – хорошо! – И обратился к другу: – Ты жив ещё?

– Жив пока, – ответил Альберт. – Давай, Нур, присядем.

Рядом с могилой была предусмотрена лавочка. Такого же белого мрамора,

что и памятник. Друзья присели. За невысокой оградой, за кустарником возвышалась синь безбрежной реки, а над рекой поднималась синь бездонного, без единого облачка неба. Голосили каждая на свой лад, как обычно в начале лета, жизнерадостные птички, стрекотали кузнечики...

– Ничего не скажешь, красивое место, – оценил Нурислам. – Высоко над рекой теперь она и в отдалении от общей кладбищенской тесноты. – Помолчав, предложил: – Может, пойдём потихоньку?

Друзья поднялись. Нурислам тронулся было в обратном направлении, но Альберт предложил спуститься к реке.

Шли по узкой полосе дикого пляжа. Припекало. Нурислам надвинул козырёк бейсболки на глаза и спросил:

– А помнишь наше первое знакомство с Карским морем?

– Как же, – ответил Альберт, – разве такое забудешь! Ракушек только под ногами теперь не хватает.

– Точно! Остальное всё то же, – усмехнулся Нурислам.

Вдали на возвышенности виден был Кремль с чуть наклонной красного кирпича башней, похожей на космическую ракету на старте. Чайки молча разгуливали по краю отмели, а те, что были в воздухе, покрякивали на заходящих незнакомцев.

Те помалкивали. Первым заговорил Нур. Он сказал, что вчера из командировки вернулся гендиректор Инновационного центра, с которым он учился в технологическом институте.

– К чему это ты? – спросил Альберт.

– А к тому, что я переговорил с ним насчёт тебя, безработного гения электроники и проверенного на северах организатора пусковых работ. Надо будет договориться о встрече. Так что будь готов.

Альберт пожал плечами, он был далёк от мирской суеты, бытовых хлопот и финансовых проблем. Ему, человеку неприхотливому, северных денег хва-

тило бы ещё на немало лет безбедной жизни. Да и не до этого было его воспалённой душе.

Обратно на верхотуру берега взобрались уже в районе «Базы тихого отдыха», откуда до автостоянки было рукой подать. Уже в машине Нурислам пригласил друга на выходные к себе на дачу, находившуюся на Волге. Дача была куплена им после Ямала, и его друг там ещё не успел побывать.

– На рыбалку сходим, в шахматы поиграем, Зухру мою маленькую увидишь, наконец. В пятницу после обеда заеду за тобой.

Это, собственно, и не дача была, а стопроцентный бревенчатый дом с приусадебным хозяйством на краю деревни, расположенной на правой, высокой стороне Волги. В этом месте река сворачивала на юг и несла свои воды на встречу с Камой; в этом месте она была необычайно широка – результат разлива после перекрытия русла плотиной электростанции ниже по течению.

Запах самоварного дыма весело ударил в ноздри друзей, когда они только сошли с порогов внедорожника, упёршегося носом в ворота усадьбы. Навстречу им вышла Альфия с незнакомой девушкой и мальчиком лет пяти, которые оказались её родственниками, приехавшими из родной деревни погостить. Хозяйка обняла Альберта и поздравила с возвращением.

После того, как Нурислам пояснил, что не будет пока загонять машину, все вместе подхватили из багажника и заднего сиденья сумки-авоськи, не взирая на вес и габариты, и повалили «шумною толпою» в неожиданно ставшую узкой калитку.

Сияло на склоне дня солнце, весело гудел самовар, валил дым из самоварной трубы. На веранде спала Утренняя Звезда. Альберт подошёл к кровати, склонился:

– Копия ты, Нур! Говорят, если дочь похожа на отца, счастлива будет.

– Скажешь тоже! Разве в таком возрасте поймёшь, на кого похожа! – расплылся в улыбке папаша. Было заметно, что слова друга ему понравились.

Пока женщины готовили стол, Нурислам повёл гостя показывать свои владения – яблоневый сад, огород, баню, гараж, дом...

Изба удивила Альберта тем, что с улицы она казалась не такой большой, а внутри...

– Ну это просто царские хоромы! – восклицал Альберт, разводя руками и поглаживая бревенчатые стены без штукатурки и обоев.

Поднялись по полуинтовой лестнице на второй этаж. И здесь удивление – гостя встретил просторный холл с креслами, телевизором и двумя гостевыми комнатами.

Нурислам открыл одну из дверей:

– Тут Саня с Салаватиком устроились. А тебя рядом поселим. – Он приобнял друга. – Про Соню я тебе говорил. Учительница, с отличием иняз закончила, преподаёт в районной школе языки.

– Как это? Сколько же их?

– Татарский, русский, английский. Элементарно.

– Элементарно?! Три языка?..

– А там, в школе, учителей не хватает.

– Ничего себе объяснение! – пробурчал себе под нос Альберт. – А кем она вам приходится?

– Двоюродной сестричкой Альфии, – ответил Нурислам и добавил заговорщицки: – Не замужем.

– Как же так? Миловидная, коса ниже пояса...

– Успел, значит?

– Что успел?

– Рассмотреть через свои окуляры.

– Что я, слепой, что ли?!

– Вижу, не совсем.

– А я думал, малыш – сын её.

– Племянник. Да, они похожи даже. Она его обожает, вот и взяла с собой.

Она такая, добрее человека не знаю. У себя дома двоим шалопаям частные уроки даёт, подтягивает...

– Сколько же ей лет?

– Молодая совсем. Так что не зевай.

– Брось, моя песня давно уже спета.

И давай больше не будем на эту тему.

Спустились вниз. Альфия доложила: полдник готов.

Стол был накрыт на веранде на другом конце двора, под яблоней, почти что в саду. В центре стола красовался праздничный бялеш – ханский пирог, как называют его теперь в городских пекарнях, чак-чак, овощи, фрукты, напитки и лёгкая медовуха, как это здесь водится.

– Какой ещё полдник! – делано возмутился Нурислам. – Слово-то какое будничное. Праздник – вот как! В честь возвращения моего друга...

Всегда сдержанный Альберт перебил его:

– При чём тут я? Сегодня, как у нас говорится, *Зухраның тәпиләрен юабыз* (будем ножки Зухры обмывать*).

– Точно! – Нурислам взял кувшин с медовым напитком, Альфия – с ярко-красным морсом из свежих ягод...

Заздравный звон янтарных и пурпурных кубков покотился над волжскими просторами от берега до берега и вниз по течению. Кто его не слышал в тот день?! Одна Зухра, наверное, в своей детской кроватке.

Альберт блуждающим взглядом прошёлся по новым знакомым. У Сании на краешке губы остался след от морса. Она заботливо ухаживала за племяншом – чистила ему апельсин, разделяла на дольки, и малыш послушно клал их в рот. Они, и в самом деле, были похожи – оба тёмненькие с густыми волосами и светленькие лицами.

Про себя Альберт отметил ненавязчивую, сдержанную красоту Сании, скромные её движения, негромкие, но не сказать, чтобы застенчивые фразы,

произносимые содержательно и к месту. При повальной моде на распущенные волосы её причёска отличалась строгим прямым пробором и тугой, аккуратной косой. Под дугами бровей на мир смотрели спокойные карие глаза.

Коса же напомнила Альберту маленькую Ангелину, вспомнилось, как заплетал, готовил её по утрам к детскому садику. Вспомнил и тяжело вздохнул. Глотнул медовухи и опять, более внимательно посмотрел на Санию. Это заметил Нурислам и философски изрёк:

– Вот такие у нас сельские учителя!

Она услышала и улыбнулась живой, открытой улыбкой.

После застолья была команда немного отдохнуть и готовиться к прогулке. Нурислам с Альбертом решили, что успеют сыграть пару партий в шахматы. Они развернули шахматный бой на веранде, которую Зухра на руках мамыши покинула. За игрой следил маленький, но проявивший большой интерес к серьёзной игре, Салават.

К игрокам подошла и Сания. Альберт предложил ей стул, но она отказалась, приобняла племянша и тоже стала наблюдать за событиями на поле сражения. Ближе к эндшпилю, когда Нурислам поставил свою коричневую Королеву на g4, Салават сказал:

– Эта Дама хочет взять в плен Короля.

– Не получится, – ответил Альберт и прикрыл его башенкой Туры.

Сания почему-то улыбнулась и потеряла петушок волос на затылке Салаватика.

В итоге Нурислам проиграл, хотя и близок был к успеху. Альберт примирительно сказал:

– Ничего особенного. Статистика официальных турниров свидетельствует, что белые берут верх почти в семидесяти процентах, а там ещё ничьи... – И спросил: – Матч-реванш?

– Нет, – ответил Нурислам, взглянув на часы. – По выработанному генеральным штабом плану мы должны быть уже на берегу. Вперёд! А тебя,

* Устойчивое тат. выражение.

Салават, я научу капитально играть. Будешь чемпионом мира, раз уже сейчас кое-что различаешь на шахматной доске.

12

Натруженное солнце клонилось к закату. Компания вышла на крутой берег. Лёгкий ветер шевелил волосы, платья, рубахи, марличку на коляске Зухры – и её взяли подышать свежим воздухом. Внизу Волга неспешно несла свои прохладные воды к Каспийскому морю.

Экс-моряк как заправский экскурсовод читал лекцию о Волге, Итили, Идели*, о прелестях этой знаменитой и родной реки, на каком бы она языке ни звучала, а также о законе, по которому все реки на северном полушарии имеют высокие западные берега и пологие – восточные.

– Это и наша Волга, и Днепр, и Дон, и сибирские реки. Всё, сами понимаете, из-за вращения Земли...

– Если считать, что она круглая, – вставил своё слово Альберт.

– Не умничай, – пресёк Нурислам, – лучше скажи, когда будем купаться – до прогулки или после.

– Конечно, после.

– Хорошо, топаем до берёзовой рощи и до тропинки там вниз с горы и спускаемся на пляж.

Компания пошла по крутому берегу по ходу течения. Впереди бегал туда-сюда Салаватик, за ним шли Нурислам с Альфией и Зухрой в коляске, замыкали процессию Саня с Альбертом.

Нурислам успокоился и больше лекций не читал, всё заигрывал с дочкой.

Альберт спрашивал, как это возможно преподавать сразу три предмета. Саня отвечала:

– Ничего особенного, учителей не хватает. У нас Камиль Хусаинович ве-

дёт и матаматику, и физику, и географию. А Фарида Исмагиловна...

Она не договорила, Альберт не сдержал удивления:

– Но три разных языка – это совсем другое дело, это не литература, история и география. Это прежде всего полиглотом надо быть.

– Ничего подобного. Татарский и русский я само собою усвоила. Я их носитель. А выучить один неродной язык при желании любой может.

– Так уж и любой. Я в своё время репетитора нанимал и всё равно ничего не получилось. Уж не говорю про школьные, институтские уроки...

– От педагога многое зависит, – сказала Саня. – И потом, кто ведь в чём силён... Вы вот, слышала, айтишник серьёзный, а я своим-то личным ноутбуком владею ограниченно.

Альберт промолчал. Может, он и в самом деле, сам не ведая того, стал уже специалистом по IT-технологиям? Подумал одно, а сказал другое, в продолжение разговора:

– Хотя да, вы же с отличием университетский иняз закончили.

– Откуда знаете?

– В газете прочёл, – пошутил Альберт.

Оба рассмеялись. Не шутке. Шутка была просто поводом, просто настроение было приподнятое. То ли от хорошей погоды, то ли от вида с высокого берега на бескрайний волжский простор, то ли ещё от чего-то...

Бывает, голова думает так, а какой-то внутренний сгусток под солнечным сплетением, который называется душой, воспринимает всё эдак. И человек на перепутье, и человек в замешательстве. (Нет, это не об Альберте, а так, отвлечённо. – Прим. автора.)

Саня не заметила выбоины на тропинке, ступила неудачно на её край и, ойкнув, опрокинулась прямо на Альберта. Он подхватил её, оба смутились, Нурислам обернулся, не удержавшись от смешка:

– Гляди-ка, прям средь бела дня обнимаются!

* Итиль, Идель (там.) – Волга.

Альфия дала ему нежный подзатыльник:

– Вперёд смотри!

Альберт не обратил на это внимания, спросил озабоченно:

– Как нога, не подвернула?

Всё обошлось. Саня сделала проверочно несколько шагов – ни вывиха, ничего другого, и они спокойно продолжили путь. Им было о чём поговорить. Со стороны можно было подумать, что встретились старые друзья. Он спрашивал, она отвечала. Она спрашивала он отвечал:

– Альберт, а вы в Карском море купались?

– Всего несколько раз. И то из тщеславия. Пробыть столько лет на море и ни разу не искупаться?! Холодно там. Но мне нравилось. На Севере по-другому себя ощущаешь, как-то более определённо, без лишних рефлексий. Там постоянное преодоление того, что здесь и не снилось. Но мне, повторяю, нравилось. Единственное...

– Что единственное?

– Там не было синего троллейбуса.

– Последнего, случайного?

– Да, среди снегов и льдов случайного.

– Но вы сами себе противоречите. Синий троллейбус ведь от беды и хандры. А вы там, как говорите, чувствовали себя хорошо.

– В последнее время заскучал по родному дому. И потом, под самый конец всё-таки...

Он не договорил. Его перебил командорский голос:

– Всё, вот вам берёзовая роща, вот тропинка вниз на пляж! Кто будет купаться?

Купаться собрались только мужчины. Втроём они спустились к реке, дамы остались наверху.

– Умеешь плавать? – спросил Альберт, ступив на песок пляжа.

– Конечно! Ответил за малыша Нурислам. – Он же камский парень. А Кама не Волга, это о-го-го!

– Только по-собачьи, – признался Салават.

Нурислам достал из сумки полотенца, пляжную подстилку, на неё кинули одежду, телефоны, очки и троица побежала к воде.

Родственнички заходили в лёгкие волны медленно. Нурислам заботливо омывал малышу грудь, плечи – готовил к заплыву. Альберт же плюхнулся в воду с разбегу. Погрузился с головой, поплыл. Вспомнилось, как ныряли с друзьями в детстве, максимально сдерживая воздух в лёгких, соревнуясь на длину нырка. Струи прохладной воды приветливо расступались и омывали его соскучившееся по родной стихии тело, нашёптывая: «С возвращением, дорогой, мы тебя ждали, наконец-то ты опять с нами». Он мог ещё проплыть немного, но вынырнул и тут же голос друга:

– Альберт, я уж думал, что ты утонул!

– В своей воде не утонешь, – ответил он, раздвигая пузырчатую волну перед собой и увидев, проморгавшись, Санию на краю кручи, которая хлопала в ладоши, аплодируя его «мировому рекорду» – так она после выразилась о его долгом подводном пребывании.

Он первым вошёл в воду и первым вышел. Родственнички ещё долго барахтались. Малыш никак не хотел выбираться, пока Нурислам не вытащил его, закинув себе на плечо. А тот визжал:

– Холодно, в воде теплее!

– Губы уж посинели, – ворчал дядька, – а он: ещё немножко, ещё немножко!

Мужики протёрлись махровыми полотенцами, оделись. Первоначально, естественно, одет был мужичок с ноготок. Ну как одет? – футболка с короткими рукавами да шортики – и вся одежда.

Потянулись к тропинке наверх, где их уже заждались. Альберт поёжил влажные волосы Салаватика:

– Не накупался, значит?

– Конечно, нет! – ответил он, обнимая себя, чтобы согреться.

– Ничего, завтра ещё придём.

Не доходя до кручи, отправив малыша чуть подальше вперёд, Альберт спросил друга:

– А что она не замужем?

– Тебя ждала, – был краткий, будто заранее заготовленный ответ.

– Очень остроумно!

Альберт пожалел, что спросил, что открыто продемонстрировал свой интерес к новой знакомой.

Что значит – интерес? Человеку свойственно тянутся ко всему новому, незнакомому, красивому, будь то неизведанная земля или впервые услышанная песня, или... Да мало ли на свете, что тянет своей сокровенной тайной! Тут нет ничего особенного.

13

Вечером во дворе дома на краю деревни у волжской кручи стоял дым коромыслом. В прямом и переносном смысле. Было весело, курился мангал с насаженными на деревянные шпажки кусочками баранины. Верховодил тут большой знаток шашлычного дела Нурислам. Помогал ему Салават. То водички поднесёт, то что-то унесёт... Рядом был и Альберт, в процесс ворожбы не вмешивался, помалкивал, вдыхал аромат волшебства, слушал вдохновенные речи друга. А тот не умолкал:

– Шашлык – это не просто яство, это явление культуры, праздник! Не чревоугодия, упаси боже, а души, сабантуй сердца, минуты любви к ближним и ко всему, тебя окружающему.

– А штычки у тебя из какого дерева? – поинтересовался Альберт.

– Шпажки-то? – из веток яблони. – объяснил Нурислам. – Безотходное производство. Стриг яблони, вот и настриг. Выстругал, вымочил...

Сидели опять на веранде. Все расхваливали произведение искусства великого шашлычника. Нурислам расчувствовался и вынес из дому баян. Устро-

ился в сторонке на табурете, задумался на секунду, неспешно развернул меха и запел до боли знакомую татарскую песню «Хуш, авылым» («Прощай, родная деревня»).

Он нередко пел её и на Ямале. Там она особо трогала сердце. Бывало в минуты затишья всего и вся как-то уйдёт в себя и затянет на родном татарском:

**Родимая земля, любимая деревня,
Так близки вы сердцу моему...**

Песня эта не то что популярна в народе, она особо почитаема. Она о тоске по родному краю, о неизменной любви к ней и неразрывной близости и в то же время о прощании с нею. Один хороший друг Альберта, постарше его лет на пять, никогда на прощание не говорил ни «до свидания», ни «пока», а всегда – «хуш, авылым».

У Нурислама был по-своему красивый голос, так сказать, деревенский баритон с хрипотцой, а уж о задушевности исполнения – слов нет!

Он растягивал меха и, склонив голову в сторону пуговичек трёхрядки, изливал душу:

**Прощай, родная деревня, прощай!
Жив буду, вернусь как-нибудь
по весне...**

Кто пережил когда-нибудь разлуку, тот знает, кроме всех прочих достоинств, сокровенную силу этой песни. Альфия ловила кончиком косынки бусинки слёз. У Сании тоже глаза заблестели влагой.

Салават внимательно слушал, перевел кулачками подбородок, а затем, когда голос дяди и баяна стихли, спросил:

– А зачем нужно уезжать из родной деревни, если ты её так сильно любишь?

– Обстоятельства так складываются, что и учиться надо, и заработать. – Нурислам отложил в сторону баян. – Главное ведь потом вернуться. Вот мы

с абыкой* вернулись. А ведь уезжали на край света. Ямал-то, где мы были, так и переводится – «Край света».

– Я тоже хочу на краю света побывать! – воскликнул малыш.

– Ещё успеешь. Вот завтра с утра пойдём на рыбалку, там и увидишь край света на горизонте. Ты был когда-нибудь на настоящей рыбалке?

– Ходил с папой на Каму. Только не знаю, настоящая рыбалка там была или нет. Но несколько рыбок поймали.

– Ну если на Каму, то, конечно, настоящая!

Компания разделилась. Альфия достала из коляски Зухру и пошла в дом. Малютка ведь тоже должна была полакомиться. Альберт с Санией в углу беседки продолжили разговор, начатый ещё на берегу Волги о превратностях репетиторства, о том, что в неудачах обучаемого виноват не только он один.

– Вон оно как!

– Да, да – подтверждала Сания. – Педагоги бывают разные. Некоторые даже отбивают желание учиться.

– Хочу всё-таки освоить английский. Свербит неудача, не привык бросать начатое на полпути. Не поможете, а-а?

– Отчего же! Мы можем начать заниматься в онлайн-режиме.

Договорить молодым не дали. Нурислам поднялся, не снимая тяжёлой руки с плеча Салаватика, и торжественно объявил, точнее, напомнил, что завтра с утра – на рыбалку.

– Подъём в 4:00. Как договорились, пойдут все. Правильно?

– Правильно, – дружно подтвердили оставшиеся на веранде.

– Кроме Альфии с Зухрой. Больше отводов нет?

– Нет!

– Удочки, закидушки... – всё я приготовил. – сказал Нурислам. – А теперь давайте укладываться спать. К утру надо быть свежими и бодрыми. – И по-

яснил: – Хозяева спят на первом этаже, гости в двух комнатах – на втором.

Альберт возразил:

– Хочу на веранде.

– Прекрасно, – ответил хужа**. – Свежий воздух, комары... – все удовольствия разом. Только помоги тут убраться, а потом я постелю.

– Мы с Салаватиком тоже поможем, – берясь складывать тарелки, сказала Сания. – Так ведь, акыллым***?!

– Да, да... – живо отозвался малыш, вскакивая с места. – А вы, Альбертабый, один тут ночью не боитесь?

– Чего мне бояться? – ответил весело абыка. – Меня ночью звёзды будут охранять.

14

Ночь выдалась тёплая, но слегка ветреная. Обещанных комаров не было, зато в небе были звёзды с кулак величиной. Они заглядывали со стороны Волги Альберту в лицо и шептали: «Мы не так далеки, мы рядом, спи спокойно». Почему-то всплыл в памяти Сашка, сын Кириллы, который на берегу Карского моря рассказывал, как ночевал на югах тоже на веранде. Так и уснул под светом звёзд и волнами свежего воздуха с реки.

Обычно через час-полтора просыпался. И тут проснулся, но не по привычке, а от какого-то подозрительного треска. Вскочил... Из-под крыши дома вырывались языки пламени. Альберт, не раздумывая, бросился через двор к дому. Навстречу выбежала обезумевшая Альфия, за ней с Зухрой на руках Нурислам...

Миновав их, он вбежал в дом и ринулся по занявшейся огнём лестнице на второй этаж. Уже на самой верхотуре путь ему преградила помигивавшая красными огоньками по верху своему свалившаяся откуда-то балка. Снизу

* Абыка (*тат.*) – дядя в уменьшительно-ласкательной форме.

** Хужа (*тат.*) – хозяин.

*** Акыллым (*тат.*) – умница мой.

ещё можно было за неё взяться, хотя и жгло. Альберт упёрся, отодвинул её в сторону, поднялся... В дыму метались, не зная, что делать, Саня с Салаватом. Альберт схватил малыша, чтобы отправить его по ступенькам вниз, но лестница в этот момент с грохотом рухнула.

В проломе внизу показался свекольно-красный лик Нурислама. Он тянул вверх руки и кричал:

– Давай их сюда, давай их сюда!

Альберт спустил мальчика на вытянутых своих и его руках в образовавшийся зев между этажами. Нурислам принял его. То же самое он проделал с Санией. Она, конечно, была потяжелее, но всё получилось так же благополучно.

А дальше...

А дальше он потерял сознание. Обвалилась часть крыши, и его задело. Сколько пробыл в небытии? – без понятия. Уловил только, как «поехал» навесной потолок...

Очнулся от дуновения чистого, живительного ветерка, без дыма и гари, которыми вдосталь наглотался до этого. Прокашлявшись и разлепив глаза, увидел заутреннее небо с последней мерцающей звездой и до боли знакомое лицо. Это была Ангелина. Вся светом белым пронизанная, с цвета чистого неба глазами, с той же родинкой на щеке, только повзрослевшая и с крыльями за спиной.

– Ты умерла ведь, – произнёс Альберт.

– Нет, дядя Алик, не умерла, – ответила она. – Просто превратилась в ангела.

– Невероятно!

– Ничего невероятного. Сам же так называл меня всегда.

– Называл, называл... А теперь вот глазам своим не верю. И крылья вон какие, и сама... Ты же совсем маленькой была, когда мы простились.

– Уж сколько времени прошло! – произнесла Ангелина.

Он ущипнул себя, чтобы убедиться, что она ему не снится. Нет, это был не сон.

– А где я? – заозирался Альберт, потирая затылок. – Сильно болела и кружилась голова.

– На берегу Волги.

И в самом деле, он лежал на траве высоко на взгорье, под которым простиралась в рассветной мгле водная гладь.

– Знакомые места... А пожар? Разве я не сгорел там?

– Нет, не сгорел.

– Значит, ты спасла меня?

– Просто вынесла через дыру в крыше. И теперь вот мы тут.

– А как Саня с Салаватом?

– Нормально. Все домочадцы живы и здоровы, только дом сгорел. Короткое замыкание, проводка была никудышная.

– Откуда ты всё знаешь? – удивился Альберт.

– По штату положено, – улыбнулась Ангелина и внимательно оглядела его. – Ну что, воскрес? А теперь полетели дальше...

– Подожди, дай разгляжу тебя сначала. Я же в упор не пойму ничего. – Он хотел поправить очки на носу, но их не было.

Она чуть отпорхнула в ответ, встала в полный рост, улыбаясь и скрестив руки на груди.

Это был ангел небесный – и слепой разглядел бы. Из-за плеч выступали, как белоснежные вершины, сложенные крылья, на голове лёгкая, поблёскивающая диадема, белая рубаха-хитон до щиколоток босых ног и поверх этого традиционного ангельского одеяния, под скрещёнными ладонями на груди – её неизменная коса до пояса.

– Кто ж тебя заплетает-то там, на небесах? – удивился Альберт. – И меня рядом нет.

Она ответила, помаргивая всё теми же прежними своими смешливыми глазками:

– Коса моя теперь не расплетается. – И уже серьёзно: – Надо торопиться, дорогой, и так опаздываем, ведь я ангел звёзд, а они все давно уже исчезли.

– Какие же ещё бывают ангелы? – стал подниматься с мягкой травки Альберт.

– Ангелы дождя, солнечного круга... Но мы отвлеклись совсем. Полетели, полетели, – настойчиво повторила Ангелина, расправляя крылья.

15

И они полетели...

Над Волгой, над обрывками утреннего тумана, над редкими судёнышками на водной бесконечности...

Ангелина раскинула под крыльями руки в стороны, словно хотела объять необъятное:

– Как тебе всё это в сравнении с нашим морем, ради которого вы с дружкой оставили всё тут?

Альберт не нашёлся, что ответить. Какие слова здесь могли быть уместны? Молчал-молчал, озирался-озирался и вдруг запел:

**Вода, вода, кругом вода...
Большие, медленные воды,
Не то что рельсы в два ряда.
И провожают пароходы
Совсем не так, как поезда.**

Надо же, в такой момент (даже не подобрать эпитет, в какой) он спел куплет известной с детства песенки и вспомнил на мгновение живописную картину, где в полный рост со сложеными руками на груди летит по небу то ли демон, то ли простой смертный под крыльями гигантской птицы, только автора не вспомнил.

Вот и он летит, влекомый крепкими крыльями ангела звёзд уже по беззвёздному небу, осталось скрестить руки на груди и наслаждаться потоками утреннего воздуха, охлаждающими его пылающую от боли голову.

Вот и противоположный берег, вот и речной порт внизу с игрушечными корабликами, поодаль Кремль с белой Спасской башней и красной, наклонной – космической ракетой на старте...

– Куда мы летим? В рай или в ад? – спросил Альберт.

Ангелина возразила:

– И не в рай, и не в ад.

– Куда же?

– Как тебе объяснить? – Она приоткрыла рот в раздумье и через несколько взмахов крыльев ответила:

– На родину.

– На какую такую ещё родину? Она вокруг – и на той, и на этой стороне Волги... И посередке тоже, кстати.

– Не спрашивай, я и так превысила свои полномочия.

– И всё-таки? Моя малышка влечёт меня куда-то, а я – и не спрашивай! – Альберт обиженно замолчал.

– Хорошо, скажу. Родина – это не только место, но и время.

Он задумался, только произнёс себе под нос:

– Место и время... Да, понятия взаимосвязанные. И что?

Пересекли центральную часть города, замаячили родные постройки, сосновая роща, бывший монастырь, долгое время служивший военкоматом, откуда он некогда отправлялся служить в армию... Они медленно снижались.

Воспоминания калейдоскопом замельтешили в голове, и он спросил:

– Мама-то жива-здоровая?

– Да, – нехотя ответила Ангелина. – Замужем давно.

– И ты ни слова об этом?! А ведь о чём только не болтали, пусть даже и был я за тридевять земель. – Он притих на минуту и, вздохнув, промолвил: – Хотя понимаю... И тебя понимаю, и её... Молодая, успешная, красивая, но без мужской поддержки всё равно нелегко. Что сказать? Пусть у них всё будет, как говорится, путём.

– Ну, ну...

– А что так – «ну-ну»?..

– А потому что я хотела, чтобы ты стал моим папой, ты-ы, а не пойми кто... Тогда, может быть, я жива осталась бы.

Чего угодно, но только не этого ожидал Альберт. У него спёрло дыхание, и он еле выдавил из себя:

– Прости, Ангелина.

Она продолжила говорить, будто и не прерывалась, будто и не слышала ответа:

– А ты взял и уехал.

– Я от себя уехал, – еле слышно уронил он свой ответ куда-то вниз, в пространство.

А его, этого пространства, оставалось всё меньше. Всё быстрее замелькали дома, скверы, автомобильные парковки... Вот и родная девятиэтажка с пышным палисадом, вот и детский садик «Солнышко»...

Они опустились за зданием, на хозяйственном участке. Она подтолкнула его:

– Иди.

– А ты? – спросил он.

– Иди, иди... Я тебя не брошу, – ответила она.

И он пошёл. Навстречу топали друзья, постояльцы детского комбината

за руку с мамашами и папашами. Все с ним здоровались, как всегда. Он тоже с ними здоровался. А Вовка, сосед по обеденному столику, протянул ему маленький, пластмассовый грузовичок и сказал:

– Спасибо, Алик, наигрался, возвращаю в целости и сохранности.

Альберт пошёл дальше и остановился у хрупкого деревца в зелёной дымке разворачивавшихся листьев, у яблоньки-саженца, который они с отцом посадили вчера на воскреснике, и подумал: «Приживётся ли?» Отец-то заверил, что обязательно пойдёт в рост и укроет его, малыша, своей изумрудной кроной и в дождь, и в солнцепёк, и яблочками ещё угостит.

Он с любопытством тронул клейкие листочки на тоненькой ветке, поправил бечёвку на палке-подпорке и не видел, как над детским садиком поднялась в синеву под облака его Ангелина небесная, поднялась и помахала ему рукой под широко раскинутыми в стороны крыльями.

Май, 2025

40

